

**ВЫЧЕРКНУТЫЕ
ИЗ ЖИЗНИ**

*Цюрих, Швейцария, частная клиника нобелевского лауреата
в области медицины доктора Кугельштайна, 22 октября 2011 года,
14 часов 34 минуты, время местное.*

Обширное, стерильно белое помещение операционной было заполнено сложнейшими лабораторными установками и сверхсовременной медицинской техникой, переливающейся мониторами компьютерных интерфейсов. Два с половиной десятка специалистов, ассистирующих Кугельштайну, не сводили глаз с экранов, по которым непрерывными потоками бежали строки данных о ходе проводимого синтеза. Застывшие перед приборными панелями люди, облачённые в медицинские скафандры биологической защиты, более напоминали движущиеся гипсовые изваяния, установленные неизвестным скульптором посреди высеченной из мрамора футуристической композиции. При взгляде со стороны возникало ощущение, что и технику, и её операторов сначала поместили внутрь этого помещения, а после выкрасили одной краской и то и другое.

Сам нобелевский лауреат находился посреди своей операционной, у станины напичканной электроникой нейрохирургического стола, совмещённого с трубой ядерно-магнитно-резонансного томографа и десятком иных приборов. Пожилой гений от медицины напряжённо вглядывался в один из пятидесятидюймовых плазменных мониторов, укрепленных под потолком в непосредственной близости от хирургической зоны. Наконец что-то негромко звякнуло, и на экране высветился ряд столбцов с цифро-буквенными обозначениями.

— Господин профессор! — Один из ассистентов обернулся к седому учёному. — Синтез завершён успешно! Стабильность препарата девяносто девять и восемьдесят три сотых процента! Начинает падать, скорость распада полторы сотых процента в секунду!

— Наполняйте инъекторы! — распорядился доктор Кугельштайн и склонил голову к лежащему на хирургическом столе немолодому, абсолютно лысому человеку, бледную кожу головы которого покрывала сеть коротких шрамов. Накрытое стерильной медицинской простынёй

рыхлое тело пациента непроизвольно подрагивало от сотрясавших его приступов боли, и по лицу больного скользили гримасы страдания.

— Синтез прошёл практически идеально, в нашем распоряжении порядка восьмидесяти восьми секунд. Этого более чем достаточно! — Немецкий акцент профессора придавал его английскому немного отрывистые интонации, отчего казалось, что Кугельштайн говорит короткими рублеными фразами. — Вскоре вы сможете вздохнуть спокойно, мистер Лозинский! — Седовласый нейрохирург перевёл взгляд на замерших в ожидании указаний анестезиологов и лаконично распорядился: — Начинаем. Подавайте хлороформ!

Один из врачей аккуратным движением прижал к лицу пациента прозрачную дыхательную маску, тщательно следя за тем, чтобы исключить неплотное прилегание и одновременно не доставить дискомфорта столь важному ВИП-клиенту. Второй специалист уже регулировал подачу газовой смеси, ежесекундно сверяясь с кривой кардиограммы и показаниями дюжины других датчиков, густой сетью проводов опутывавших пациента. Взгляд Лозинского затуманился, и спустя пару секунд его глаза закрылись.

— Пациент под наркозом! — сообщил анестезиолог, на всякий случай сверяясь с приборами.

— Транспортёр! — коротко велел Кугельштайн.

Ближайший ассистент утопил кнопку на приборной панели, и нейрохирургическое ложе с пациентом под тихое жужжание двигателей плавно скользнуло в трубу операционного стола. Толстая крышка захлопнулась, запечатывая его внутри, и несколько секунд автоматика проверяла внутреннюю атмосферу трубы на герметичность и стерильность. Мониторы системы контроля микроклимата вспыхнули разрешающими сигналами, и нобелевский лауреат кивнул помощникам:

— Делайте надрезы! — Он сверился с центральным экраном: — У вас есть тридцать восемь секунд!

Замершие у интерфейсов автоматической операционной нейрохирургии немедленно принялись за дело, вращая верньеры тонкой подстройки оборудования и манипулируя джойстиком. Внутри операционной трубы к голове пациента протянулись семнадцать тонких манипуляторов, снабжённых микрокамерами и лазерными скальпелями. Персонал клиники доктора Кугельштайна своё дело знал. Манипуляторы действовали вплотную друг к другу, но даже минимальная путаница и сутолока в их движениях была абсолютно исключена. Вскоре кожа на черепной коробке Лозинского была рассечена по старым шрамам, под которыми обнаружили миниатюрные платиновые заглушки, закупоривающие хирургические отверстия, что были высверлены в костных пластинах ещё девять месяцев назад. Манипуляторы с ювелирной точностью захватили заглушки, извлекли их из черепа и быстро разошлись в стороны, уступая место электронному инъек-

тору. Целая корона из тускло поблёскивающих золотом игл приблизилась к голове пациента и замерла в ожидании завершения процесса прицеливания.

— Надрезы произведены, заглушки извлечены, наведение игл и юстировка их осей с черепными отверстиями завершены успешно! — доложил старший ассистент.

Доктор Кугельштайн молча направился к центральному операционному пульту и уселся в кресло.

— Время? — поинтересовался он, кладя руки на джойстики управления инъектором.

— Тридцать четыре секунды! — сообщил помощник. — Стабильность препарата девяносто девять и двадцать шесть сотых процента! Скорость распада увеличивается!

— Я приступаю, — известил профессор, и его руки медленно сдвинули джойстики с нейтрального положения.

Предстояла финальная, и самая сложная, стадия операции, требующая филигранного исполнения. Семнадцать игл должны одновременно войти в нужные части головного мозга пациента, каждая на свою, строго, до миллиметра, рассчитанную глубину, синхронно сделать инъекции и столь же синхронно покинуть мозг. Эту часть и без того тяжелейшей процедуры доктор Кугельштайн всегда проводил лично, не доверяя никому. Малейшая неточность в действиях может привести к летальному исходу, и полтора десятка секунд седой нобелевский лауреат представлял собой каменное изваяние. Даже опытный взгляд не сразу мог заметить шевеление его рук, сжимающих джойстики управления инъектором, по миллиметру выбирающих глубину погружения игл.

Указательный палец профессора коснулся миниатюрной кнопки красного цвета, едва заметной на боковой поверхности одного из джойстиков. Тихий шелчок возвестил о произведённой инъекции, и руки Кугельштайна немедленно приступили к извлечению короны игл из черепа пациента. Спустя ещё несколько секунд доктор отпустил джойстики, устало откинулся в кресле и стянул с себя стерильно-белый тряпичный шлем. Возле него немедленно возникла ассистентка и принялась аккуратными движениями промокать медицинским тампоном выступившую на лбу гения испарину.

— Зашивайте! — велел профессор. — Инъекция произведена успешно. До полного распространения препарата пациента из операционной капсулы не извлекать, установленный микроклимат не менять!

Получив команду, ассистенты вновь склонились над мониторами, и к голове Лозинского потянулись манипуляторы, спешащие запечатать хирургические отверстия в черепе новыми заглушками. Через полчаса, когда пациента станет возможным переместить из трубы, кожей на его голове займутся лучшие пластические хирурги — швы на голове столь значительной персоны должны быть сведены к минимуму, несмотря на

ношение парика, к которому, как правило, прибегали все пациенты. Таковы правила доктора Кугельштайна, клиника тщательно следит за своей репутацией.

* * *

Лозинский пришёл в себя только к полудню следующего дня. Он открыл глаза, посмотрел на яркие лучи солнца, пронзающие отмытые до состояния полной незаметности оконные стёкла ультрадорогой персональной палаты, и недовольно поморщился. Опять проспал почти сутки, столько драгоценного времени впустую! Это была реакция организма на хлороформ, сладковатый запах которого всё ещё стоял у него в памяти и стал уже почти ненавистным для вице-премьера. Но с этой мелочью Лозинский был готов мириться, тем более что этот допотопный хлороформ оказался единственным анестетиком, с которым «уживалась» сыворотка доктора Кугельштайна. Все иные, более современные препараты вкупе с ней по необъяснимым причинам с высокой вероятностью могли спровоцировать ураганный отёк головного мозга. Академик Линдер стал первой жертвой этого трагического феномена, из-за чего Кугельштайна едва не засудили в пух и прах. Однако старый нобелевский лауреат оказался хитёр и предвидел возможные варианты развития событий. Он заранее подписал с Линдером соглашение об отказе от каких бы то ни было претензий в случае возникновения в ходе операции непредвиденных осложнений, вплоть до летального исхода. Кугельштайна быстро оправдали, после чего проклятый немец без зазрения совести поднял и без того немалую цену на свои услуги.

С тех пор операция обходилась всем желающим в полтора миллиона долларов, ещё столько же стоил синтез самой сыворотки, созданной старым профессором. И выбирать не приходилось, Кугельштайн оказался единственным медиком в мире, способным хотя бы на время разорвать цепь, которой Ареал приковывал к себе своих рабов, получившую в народе название «мозговой Зуд Ареала», или просто «Зуд». Остальные светочи от медицины либо признали своё бессилие, либо безрезультатно пытались отыскать собственное средство излечения. Целые научные институты бились над этой проблемой, но до сих пор ничего, кроме сыворотки Кугельштайна, не могло даже на время избавить от Зависимости пострадавшего.

То, что манипуляции заносчивого немца подействовали и на этот раз, вице-премьер почувствовал сразу. Голова ещё болела, но эта боль осталась от сделанных в мозг уколов. Терпеть её было вполне реально, благо она ничем не напоминала жестокий Зуд Ареала, буквально на куски разрывающий мозги, когда казалось, будто внутри мозговых тканей выросли гнилые зубы, насквозь пропитанные острой болью... Теперь же, открыв глаза, Лозинский чувствовал свободу. Через двое суток постоперационное недомогание пройдёт, и он сможет наслаждаться жизнью, ценить которую научился четырнадцать месяцев назад. Раздражало лишь осоз-

вание того, что свобода эта продлится недолго. Сыворотка Кугельштайна действовала ограниченное время. В первый раз она подавляет боль на срок в пятьдесят восемь суток, и каждое последующее применение снижает её эффективность на тридцать четыре часа. Но самое отвратительное заключалось в том, что после окончания действия препарата мозг отказывался принимать его повторно ещё в течение месяца. И этот месяц приходилось проводить в Ареале, иначе боль от Зуда была нестерпима. Несколько десятков «добровольцев» сошли с ума или умерли от страданий в закрытых ведомственных лечебных учреждениях России, тщательно бьющихся над проблемой преодоления Зависимости.

— Рад видеть вас посвежевшим, мистер Лозинский! — Доктор Кугельштайн в сопровождении свиты помощников и ассистентов вошёл в палату. — Операция прошла успешно, все ваши показатели в норме, вы можете покинуть мою клинику, когда пожелаете!

— Чтобы вновь посетить её через три месяца! — скривился вице-премьер. Он усилием воли скрыл охватившую его злобу. «Проклятый фашиствующий старикашка, что ты знаешь о моих страданиях?! Показатели в норме! Наверняка получаешь удовольствие, видя наши мучения, так же, как твой папаша, что с интересом ставил научные опыты над нашими предками, что были узниками гетто во Вторую мировую!»

— Я понимаю ваше раздражение, — немец отреагировал абсолютно спокойно, — тем более что оно усугубляется побочным эффектом действия сыворотки. Это пройдёт через двое суток, как вы помните. Тем не менее я спешу вас заверить, что я и мои ученики неустанно работаем над усовершенствованием препарата. Мы делаем всё, чтобы увеличить его эффективность и сократить период отторжения. — Он многозначительно посмотрел на своего именитого пациента: — Это весьма нелегко. Ведь никто в мире не продвинулся в этой области далее нас, не с кем даже объединить усилия, всё приходится делать самостоятельно!

«Намекаешь на то, что, кроме как к тебе, нам деться больше не к кому? — взъярился Лозинский, внешне оставаясь абсолютно спокойным. — Мерзкий антисемит! Да, мы и в следующий раз прибежим к нему как миленькие! Но вот только кто сказал, что он и действительно работает над повышением эффективности сыворотки? Ему как раз выгодно, чтобы мы заглядывали сюда почаще, зачем собственными руками закапывать золотую жилу? Что-то не верится в то, что препарат будет усовершенствован». Он, Лозинский, на месте Кугельштайна уж точно бы никогда этого не сделал. Надо будет обсудить с Беловым, можно ли проверить слова немца. Это уже четвёртая операция, и теперь вместо изначально обещанных пятидесяти восьми суток свободы у них осталось лишь пятьдесят два с небольшим дня. Подобное положение дел идёт несколько вразрез с заверениями о потугах, предпринимаемых Кугельштайном и компанией в области повышения эффективности своего зелья! А ведь дальше — больше! Точнее, меньше. Срок свободы неуклонно уменьшается с каждым разом

в отличие от цены, выставленной доктором за услуги. Но выбора нет, до сих пор успех Кугельштайна никто не смог даже повторить.

Исследовать его сыворотку невозможно, и дело тут не в авторских патентах, немец не отказывается продавать образцы. Вот только препарат нестабилен и начинает разрушаться сразу после синтеза, и замораживание только ускоряет процесс распада. Полторы минуты — и сыворотка превращается в набор бесполезных молекул, что полностью исключает возможность любых вменяемых исследований. По этой же причине пациентам Кугельштайна приходится добираться до его клиники, корчась в мучениях от жуткой боли, и испытывать страдания до тех пор, пока препарат не будет синтезирован прямо у них на глазах. После этого у доктора есть едва полторы минуты на проведение операции. Даже технологию синтеза, которую немец не стал скрывать, никак не удастся воспроизвести с должным уровнем качества конечного продукта! Московские и американские медицинские институты постоянно пытаются воспроизвести препарат, но всякий раз его качество оказывается недостаточно высоким, а стабильность угрожающе низкой. Как-либо применить такой продукт не представляется возможным. Сам Кугельштайн в ответ на вопросы заявляет, что не доверяет синтез компьютерам. Он и его помощники назначают все хронологические интервалы интуитивно, они, мол, чувствуют синтез. Поверить в подобную чушь Лозинскому было сложно.

— С сожалением вынужден признать правоту ваших слов, доктор. — На лице вице-премьера более не было и тени недовольства. Дежурно-непроницаемое выражение, свойственное государственному чиновнику высокого ранга, было отшлифовано десятилетиями практики и надёжно скрывало любые эмоции. — Успехи мировой медицины в области нашего заболевания оставляют желать лучшего. Вы — наша единственная надежда на сегодняшний день. И я рад, что нам удалось найти общий язык и восстановить взаимопонимание, пошатнувшееся... эээ... на определённом этапе.

— Гибель мистера Линдера в ходе операции явилась огромной трагедией как для меня лично, так и для всей нашей клиники. — Нобелевский лауреат склонил голову в знак соболезнования. — И дело не в том, что подобные случаи негативно сказываются на репутации лечебного заведения. Смерть пациента — это всегда личная утрата для врача, предназначение которого — хранить жизнь. Мы предприняли все возможные шаги для того, чтобы подобное не имело шанса повториться, и будем совершенствовать наши методы и впредь. Как видите, даже после столь чудовищного поражения в противостоянии с болезнью и последовавших за ним с вашей стороны попыток гонения мы не опустили руки и всё же нашли способ преодолеть Зависимость хотя бы на время. К сожалению, пока улучшить сыворотку не получается. Но мы не сдаёмся, мистер Лозинский.

— И да поможет вам бог! — заявил вице-премьер с выражением абсолютной солидарности на лице. «Арийский подонок, намекает на судебное преследование, которое мы начали в отношении него после смерти Лин-

дера на операционном столе этой расчудесной клиники. Тебе повезло, что ты единственный, кто способен хоть как-то справиться с Зудом. Иначе я вытряс бы из тебя судебным путём все твои деньги вплоть до цента. И наши с Линдером заокеанские родственники, с таким удовольствием ставящие нам палки в колёса, на этот раз охотно оказали бы помощь. Подумать только, докторишка заявил, что роковую роль в гибели Линдера сыграла его этническая принадлежность! Мол, конфликт с сывороткой возник на генном уровне! Да за такое ты остался бы нищим, доживающим свой арийский век в тюрьме, если б не уникальность этой чертовой сыворотки! Но раз пошёл обмен упрёками, я не останусь в долгу!»

— Я хочу, чтобы вы знали, доктор: мы очень ценим вашу работу и надеемся на её дальнейший успех, — с выражением предельной усталости измученного неизлечимой болезнью человека произнёс Лозинский. — Это много значит для нас, гораздо больше, нежели затрачиваемые на лечение суммы. Ведь в Ареале томится почти двадцать тысяч человек! Вдумайтесь в эту цифру, доктор! Двадцать тысяч! Это больше, чем половина населения Лихтенштейна или Монако! И все они надеются, что мировая наука отыщет способ избавить их от Зависимости. Мы не бедные люди, мистер Кугельштайн, но мы платим за ваши услуги не только ради собственного комфорта. Если наши деньги позволят вам создать средство, которое спасёт всех страждущих, мы испытаем неподдельное счастье. Ведь в этом будет частица и наших заслуг тоже. И речь здесь не о гражданском долге, но о простом человеколюбии и сострадании к ближнему своему, как завещал нам господь.

— Абсолютно с вами согласен, мистер Лозинский! — Седой нобелевский лауреат без труда выдержал взгляд именитого чиновника. Не понять скрытый смысл слов российского вице-преьера он не мог, но вопреки ожиданиям Лозинского отреагировал весьма неожиданно: — Если нам удастся усовершенствовать сыворотку и довести технологию её производства до промышленных критериев, мы предпримем всё для того, чтобы препарат стал доступен каждому больному. И более трети средств, выплачиваемых вами за лечение, идёт именно на финансирование дальнейших исследований в этой области, за что жители Ареала отчасти могут быть благодарны вам и мистеру Белову. Тем паче, что, насколько мне известно, больше им надеяться не на кого. Остальная часть населения страны устраивает по отношению к ним неприкрытую дискриминацию и даже геноцид, а в сам Ареал, с молчаливого согласия Правительства, стекаются преступники всех мастей, спасающиеся от преследования силовых структур. Некоторые особенно одиозные журналисты даже заявляют, что внутри Ареала процветает торговля женщинами и наркотиками и именно криминальные группировки заправляют всем в тех землях, а вовсе не возглавляемое вами РАО, власть и влияние которого, по их мнению, ограничивается периметром так называемого Сателлита. Впрочем, мы не склонны верить ушлым писакам. Наверняка